И тебе, любимому,
посвящает этот сборник
самовлюбленный автор

Стихи к.
(свой)
вклей
сам!

Из архива
Одесса
ОЛЬГА ГУБАРЯ

Дорогому Саше Третьяку
с любовью — Губарь О!

Олег Губарь

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДРУЗЕЙ

Одесса 2003

Александр Третьяк

«История стенографируется, но не переписывается»

Мой собеседник — преподаватель кафедры всемирной истории Южноукраинского университета имени Ушинского, кандидат наук, специалист в области европейской истории XVIII века и ранней истории Одессы, автор блестящих научных и научно-популярных работ А. И. Третьяк.

— Александр Иванович, очертите, пожалуйста, круг проблем, которыми вы занимаетесь.

— Это политическая история европейских государств конца XVIII века, включая эпоху Французской революции. Вместе с тем меня уже более двух десятилетий занимает проблематика, связанная с историей как Северного Причерноморья в целом, так и Одессы в период ее рождения, становления и так называемого золотого века, то есть первой половины XIX столетия.

— Большинству читателей, как мне кажется, более интересна последняя из перечисленных проблем — магия Одессы баснословных времен порто-франко завораживает. Впрочем, познакомившись с вашей монографией «Южная Украина в европейской политике конца XVIII в.», я более четко представляю, что все эти вопросы тесно взаимосвязаны.

— Безусловно. Ибо без изменений, произошедших в Европе на исходе XVIII века, появление Одессы как одного из феноменов мировой истории было бы практически невозможно. И наоборот: влияние Одессы на политическую и экономическую историю целого ряда европейских стран было настолько огромным, что, например, изучение истории Италии периода «рисорджементо» или национально-освободительных процессов на Балканах, в первую очередь в Греции, немыслимо в отрыве от северопричерноморской тематики.

— А не могли бы вы привести убедительный иллюстративный пример на этот счет?

— Остановимся, скажем, на истории итальянских государств. Венеция и Генуя были владычицами средневековых морей, но, отрезанные Оттоманской Портой от торговли с Восточной Европой, эти государства к концу XVIII века находились на третьестепенных ролях в европейской политике. Однако хлынувшее с начала XIX века южноукраинское зерно, вывозимое главным образом через Одесский порт, не только возродило купеческий капитал, но и способствовало консолидации всех итальянских городов. Для иллюстрации можно привести пример возрождения Ливорно, о чем великолепную статью написала американская исследовательница Патрисия Херлихи.

То же самое можно сказать и о Греции. И отнюдь не случайно *организованное* национально-освободительное движение греков зародилось именно в Одессе.

— То есть вы хотите сказать, что как раз хлебный экспорт через Одессу вызвал столь ощутимые последствия в Южной Европе...

— Примерно так, как вы сформулировали вопрос, писал Фернан Бродель, сетуя на то, что данная тематика крайне слабо изучается современной наукой, и подчеркивая, что по своим последствиям экспорт украинского хлеба имел революционное значение в мировой экономике, сопоставимое с революцией цен в Западной Европе в XVI—XVII столетиях и промышленной революцией XVIII — первой половины XIX века.

На мой взгляд, эти процессы тесно взаимосвязаны, несмотря на хронологический разрыв. Скажем, на восточноевропейских территориях, и в первую очередь на Украине, были поразительные взлеты цен на хлеб. Так, в Киевской губернии цены на хлеб поднялись за XIX столетие более чем в 10 раз, и при этом украинский хлеб оставался самым дешевым в Европе. А это не было бы возможно вне определенных политических отношений и внешнеэкономических связей.

— А кому, по вашему мнению, персонально обязана Одесса и, как мы теперь понимаем, Украина подобными метаморфозами?

— Здесь трудно кого-либо выделить. Но, на мой взгляд, самый значительный вклад в создание благоприятных политических условий для южноукраинского региона был сделан своеобразной оппозицией в правительстве Российской империи, лидером которой смело можно назвать Семена Романовича Воронцова.

— О каких благоприятных политических условиях вы говорите?

— Дело в том, что благодаря действиям «оппозиции» на южные территории, именуемые в то время «вновь приобретенными» (после Кучук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров с Портой), не был распространен заведомо устаревший уклад внутренних губерний. Иначе говоря, ни Херсонская, ни Таврическая, ни Екатеринославская губернии не попадали под пресс колоссального бюрократического аппарата, а такие выдающиеся политики и администраторы своего времени, как, скажем, герцог Ришелье, граф Ланжерон, князь М. С. Воронцов (сын Семена Романовича), напрямую, лично подчинялись императору. Таким образом, крепостнические отношения не сумели пустить здесь глубокие корни, что выразилось в соответствующем росте производительности труда. По моим подсчетам, темпы товарного производства в тогдашнем Новороссийском крае были как минимум в три раза выше, чем по империи в целом.

— Сегодня, как мне представляется, реестр проблем, которые приходилось решать упомянутым вами историческим фигурам, остается почти неизменным: это и проблема привлечения гуманитарных и материальных ресурсов, в том числе из дальнего зарубежья, и проблема обновления косного бюрократического механизма — в социальной сфере, экономике, идеологии и т. д. Наконец, это и проблема... руководителей: Ришелье,

Ланжерон, Воронцов, Строганов сделались в общественном сознании этакими сказочными персонажами, санта-клаусами. Кажется, подбери такого — и все устроится. А какими они были реально? Чем им в действительности обязаны Одесса и Южный регион?

— Эти фигуры стояли на первых позициях с точки зрения не только отечественной истории, но и истории общеевропейской. Например, Ришелье был настолько притягательной личностью в глазах многих европейцев, что значительная их часть согласилась переехать в эти полудикие тогда степи и основать свои поселения. Одесса, как и край в целом, действительно получила самое важное — европейски образованных и по-европейски мыслящих людей. Это были и врачи, и ботаники, и архитекторы, и педагоги и т. д.

Веротерпимость, содействие развитию культуры, образования — приоритеты и Ришелье, и Ланжерона, и Воронцова. Не случайно уже во второй половине XIX века по количеству грамотных людей Одесса занимала ведущее положение среди городов Российской империи.

— Когда я говорил о сказочных персонажах в истории Одессы, я имел в виду упрощенные, стереотипные представления о крупнейших администраторах города и края. Скажем, Воронцов всегда противопоставляется Пушкину и т. п.

— Такое толкование отношений Воронцова и Пушкина абсурдно. Судите сами, Пушкин и Воронцов были люди одного сословия и, рискну сказать, не так уж далеки друг от друга по своему мировоззрению, как это может показаться. Подлинную правду о характере этих взаимоотношений из исследователей мог знать только Петр Бартенев. А он утверждал, что Пушкин принес извинения Воронцову. Более того, некоторые факты свидетельствуют о том, что Воронцов не только принял эти извинения, но и позволил Пушкину работать в своем фамильном архиве в Петербурге, доступ в который был, мягко говоря, ограничен. В частности, Пушкин написал статью о Радищеве, прямо говорил о письмах и бумагах последнего в архиве одного из вельмож. Эти бумаги, как известно, находились и по сей день находятся в воронцовском архиве в Санкт-Петербурге.

— Мы не только не владеем достоверной информацией о персоналиях, но и в целом плохо представляем себе историю нашего города и края. В принципе научное историческое краеведение всегда было уделом немногих. Кроме того, в разные времена оно подвергалось репрессиям — его постоянно «причесывали» под злобу дня, в соответствии с дежурными идеологическими доктринами...

— Совершенно согласен с тем, как вы определяете уровень исторического самосознания в нашем обществе. Нельзя забывать, что мы жили при тоталитарной системе, в которой продолжаем жить по инерции. Те факты, которые на руку господствующей идеологии, высвечиваются...

— И даже гиперболизируются...

— Те, что нет, — просто затушевываются, прячутся или интерпретируются так, что черное становится белым, а белое — черным. У меня до сих пор сохранилась пачка копий тех подписок, которые я давал о правильной идеологической интерпретации архивных документов конца XVIII века! Это была глупость, возведенная в ранг официальной практики. Ну скажите на милость, какой идеологический урон могли нанести документы по внешней политике Англии 1785—1792 годов?!

— Из ваших слов понятно, что времена идеологической экспертизы не совсем еще и миновали. Как же в таких условиях пропагандировать достоверные историко-краеведческие и в целом исторические знания, в том числе в учебных заведениях?

— Что касается преподавания отечественной истории, то оно, пожалуй, близко к катастрофе. Идея национального самосознания нередко эксплуатируется откровенными конъюнктурщиками, для которых политический заказ подменяет научное исследование и служит руководством к действию. Но где нет науки, то есть стремления к познанию истины, там господствует невежество — иногда искреннее, но чаще соседствующее с шулерством. А ведь подлинные факты истории могут стенографироваться, но не переписываться.

Однако есть и отрадные факты, или, лучше сказать, ростки возрождения славных традиций одесской исторической школы.

— Кого из ярких представителей этой школы вы могли бы назвать?

— Здесь перед нами целая плеяда историков с мировым именем. Так, в Новороссийском университете работали Трачевский, Григорович, Виппер, Афанасьев, Брун и многие другие замечательные ученые, труды которых не потеряли значения и для современной науки. Что до более близких к нам времен, можно назвать академиков Алексеева и Вайнштейна, долгое время работавших в нашем городе, профессора Добролюбского — основателя исторического факультета ОГУ, выдающегося ученого-античника профессора Карышковского, специалиста в области истории Южной Украины профессора Бачинского, историка Французской революции Алексеева-Попова. Многих из этих людей я с гордостью могу назвать своими учителями. Так же, как моего любимого преподавателя медиевистики Ирину Владимировну Завьялову, которая продолжает свою педагогическую деятельность.

Думается, нам удастся сохранить преемственность. Недавно мы провели в педагогическом университете международную студенческую конференцию, посвященную истории Одессы. Уровень многих докладов доказывает, что перспективы для развития научного краеведения есть.

— Хорошо, а что вы можете сказать относительно преподавания краеведения в школах?

— Дело в том, что не так уж давно покойный профессор Бачинский

и ныне здравствующий профессор Добролюбский подготовили очень перспективную программу для создания не только методических пособий, но и учебников по истории Одессы и Одесщины. Был издан только первый выпуск, хронологически охватывающий предысторию Одессы, подготовлен к печати второй выпуск. Однако идея профессионально написанного учебника или серии пособий была заморожена сверху. Это говорит о том, что на потребу дня сегодняшнего нужно нечто иное — то, что мы уже когда-то проходили. Спущен новый заказ, но в той же системе координат: история (или историческое краеведение) как функция идеологии...

— Каковы же в таком случае перспективы?

— Откровенно говоря, на какие-либо кардинальные изменения к лучшему я не надеюсь и в какую-либо революцию в этом отношении не верю. На мой взгляд, необходимо просто-напросто следовать по пути, который можно охарактеризовать элементарной формулой: *не лгать*. Любым делом надо заниматься профессионально и честно. Во всяком случае, если сколачивать группы из ангажированных авторов, не державших в руках ни единого подлинного исторического документа, результат будет до банальности предсказуем...

— А взялся бы ваш факультет за подготовку полноценного учебного историко-краеведческого пособия для школьников?

— Несмотря на то, что наш факультет молод, созданы условия для формирования будущих профессиональных преподавателей исторического краеведения в школах. Что касается пособия для школ, то определенные наработки у нас есть, и если оно будет востребовано, с нашей стороны никаких заминок не будет.

— Что ж, остается надеяться на то, что профессионализм восторжествует. Ведь не зря говорят: правда всегда объективна и должна восторжествовать...

— Надеюсь, что это так. Но жаль, если мы с вами так и не дождемся этого торжества.

«Вестник региона», 13 сентября 1997

P. S. Минуло шесть лет. А дождались мы пока лишь того, что мой друг Александр Иванович Третьяк в пединституте больше не работает. Больно неудобен...